

сывает период создания киликийского государства династией Рубенидов, его историю в период Крестовых походов и борьбу за сохранение независимости в условиях, когда Византия и Антиохийское княжество пытались установить над Киликией свой контроль (с. 273–280). В 1198/1199 г. Рубенид Левон II обрел статус царя, получив короны от папы Клементя III и византийского императора (с. 280–281). Автор делает краткий экскурс в социальную и экономическую историю Киликийского царства (с. 283–285) и переходит к правлению новой династии Хетумидов (с. 285–288) и сменивших их во второй половине XIV представителей кипрской династии Лузиньянов (с. 288–290). К разделу прилагается карта Киликийского армянского государства и таблица его правителей, хронологически разделенная на периоды правления баронов/паронов (lords) и царей, а не по династическому принципу (с. 291).

Издание завершает раздел П. Коува “Средневековые армянские литературные и культурные тенденции (XII–XVII вв.)” (с. 293–325). Автор останавливается на восточном (прежде всего персидском) влиянии на армянскую литературную жанровую систему (с. 294–296). Литературным языком в средневековой Армении оставался грабар, своего рода армянский эквивалент латыни как церковного и научного языка средневековой Европы (с. 296–297). Автор говорит об особой роли монастырей, где концентрировалась научная и литературная жизнь средневековой Армении и о системе образования (с. 303–309). В работе отмечены законодательные памятники Армении (с. 297–301), медицинские сочинения (с. 301–303), историография (с. 305–306), теологические произведения (с. 311–313), поэзия различных жанров (с. 310–321) и сложившаяся в Армении традиция рукописной книги (с. 306–307). В завершение П. Коув говорит о связанном с появлением книгопечатания в Европе XVII в. возрастании интереса к Армении и о расцвете армянской культуры XVII в. (с. 321–325).

Данное издание несомненно представляет научный интерес, однако к его существенным недостаткам относится полное отсутствие отсылочного материала, хотя в конце разделов авторы и приводят краткие списки литературы и источников для дальнейшего ознакомления читателя с темой. Исключение составляют лишь разделы американской исследовательницы Н. Гарсоян, активно ссылающейся на конкретные страницы источников и литературы, и П. Коува. Спорадические отсылки можно встретить и в тексте Дж. Рассела. В соответствии с целью данной книги – созданием обобщающей работы по истории Армении, представленная в ней информация носит преимущественно фактографический характер, и темы разделов, каждая из которых может дать материал для целой монографии, рассмотрены достаточно кратко. Хотелось бы особо отметить роль Н. Гарсоян в создании этой книги, поскольку ее авторству принадлежат шесть из двенадцати разделов.

О.С. Апанович

Balivet M. Les Turcs au Moyen-Âge: des Croisades aux Ottomans (XIe–XVe siècles). Istanbul, 2002. 156 p.

М. Баливе – известный французский ученый, автор фундаментального труда “Византийская Романия и тюркские земли Рума” и ряда статей, объединенных общей тематикой взаимоотношения тюрков с христианским миром, тюрко-греческого (и шире – исламо-христианского) межкультурного диалога¹.

Книга М. Баливе представляет собой переиздание ранее выходивших статей 1998–2000 гг. Исследование носит выраженный концептуальный характер, продолжая и дополняя предшествующие работы автора. Особую ценность интересным и смелым рассуждениям М. Баливе, как всегда, придает серьезная опора его работ на данные мусульманских, византийских, армянских и европейских источников. В Предисловии (с. 5–6) М. Баливе обозначает основные объекты своего исследования и охваченный им период истории. В конце

¹ *Balivet M. Romanie byzantine et le pays de Rûm Turc. Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. Istanbul, 1994.* Рецензию на эту книгу и на работу В.А. Арутюновой-Фиданян “Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур” (М., 1994) см.: *Шукуров Р.М. Зона контакта. Проблемы междивизиционных отношений в современной византистике // ВВ. 2000. Т. 59. С. 258–268.* См. также сборник ранних статей М. Баливе: *Balivet M. Byzantins et Ottomans: Relations, interaction, succession. Istanbul, 1999.*

каждой главы первой части и в конце третьей части приведены списки использованной литературы. Общего библиографического перечня в книге нет.

В первой части книги (“Тюрки, крестоносцы и Византия”) автор акцентирует внимание на культурной специфике тюрков, которая выделяла их в средние века среди представителей остального мусульманского мира, и проводит на этом фоне ряд интересных параллелей и исследований (с. 7–70). Сначала автор обращается к эволюции образа тюрков, сложившегося у соседствующих с ними народов (ч. 1, гл. 1, с. 9–30). Тюрки, которые, по М. Баливе, вполне заслужили название “народа тысячелетия”, были знакомы Византии и халифату Аббасидов еще с VII–VIII в., однако именно к рубежу тысячелетия они превратились в серьезную политическую силу на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье и стали главным врагом для Восточной Европы почти на 1000 лет. Длительное противостояние с тюрками сформировало у европейцев отрицательный собирательный образ этого народа, который, по мнению автора, может отражать и общую враждебность христиан к мусульманам.

Тюрки, слабо исламизированный кочевой народ из Центральной Азии с особой культурой, с сильным влиянием шаманизма и пережитков различных религий, воспринятых ими на протяжении их истории (буддизм, манихейство, несторианство), выглядели весьма необычно в глазах других ближневосточных мусульманских народов – арабов, персов и курдов. Мусульмане рассматривали тюрков, чья военная роль на Ближнем Востоке стала особенно заметна с XI в., как защитников ислама и особенно выделяли в этом отношении роль Мамлюков, которые смогли одержать победу над монголами. Крайне негативно о тюрках отзывались лишь ши’иты, особенно враждовавшие с суннитами-сельджуками исма’илиты, а также христиане. М. Баливе, цитируя Матвея Эдесского, Михаила Атталиата, Иоанна Скилицу, Михаила Сирийца и других авторов, показывает представленный в их сочинениях негативный, хотя и весьма детальный образ восприятия тюрков, и отмечает, что западные авторы времен Крестовых походов были гораздо менее точны в подобных описаниях. Однако автор указывает, что и отношение христиан к тюркам не было исключительно враждебным; армянские, византийские и европейские авторы отмечают доброжелательное отношение многих тюркских правителей к христианам. Основными чертами тюрков в глазах современников считались сила, жестокость, невежество и варварство; тюрки выделялись как чуждым и новым для Ближнего Востока языком, так и своим внешним видом. В XII–XIV вв. экзотичность тюркских обычаев уже не вызывала такого культурного шока со стороны единоверцев, хотя недопонимание с их стороны по-прежнему оставалось. Традиции кочевников и шаманизм, не сочетавшиеся с чистым исламом, были все еще очень сильны у тюрков.

Это негативное восприятие тюрков как воинственного народа дошло до нового времени, поскольку Европе длительное время пришлось отражать османскую экспансию. С ослаблением Османской империи в XIX в. образ турка в глазах европейцев стал просто образом “плохого человека”.

Далее М. Баливе исследует два практически синхронных исторических явления начала II тысячелетия: экспансию тюрков и экспансию норманнов в Средиземноморье XI–XII вв. (ч. 1, гл. 2, с. 31–47). Хотя, казалось бы, ничто не побуждает к сравнению этих ничем на первый взгляд не схожих представителей тюрко-монгольского и германского мира, кочевников и моряков, автор находит немало общего в этих явлениях. И норманны, и тюрки первоначально появились в Средиземноморье как наемники Византии и Аббасидов, причем Византия, где тюркских и норманнских наемников было больше всего, более всего от них и пострадала. Их массовое появление в регионе и завоевательная деятельность относятся к XI в. Автор видит определенную симметрию в том, что тюрки и норманны стали играть в регионе роль защитников власти той религии, к которой они принадлежали, – багдадских Аббасидов и папства, и именно с этой точки зрения их нередко воспринимали единоверцы. При этом норманны приняли католичество, а тюрки – суннитский ислам одинаково поздно – лишь в X в. Автор находит некоторые общие черты в военной тактике норманнов и тюрков, в их высоких боевых качествах и в том страхе, который испытывали перед теми и другими современники. Единоверцы одинаково отмечали специфичность норманнов для христианского мира и специфичность тюрков для уммы мусульман, указывали на странность их внешнего вида и обычаев.

И норманны, и тюрки создали сильные военизированные государства, в которых правящие группы составляли численное меньшинство населения (тюрки в Иране, Сирии и Анатолии, а норманны – в Южной Италии, на Сицилии и в Антиохийском княжестве). Экспансия тюрков и норманнов сопровождалась амбициозными претензиями на занятие главенствующе-

го места в иерархии государств мусульман и христиан соответственно, что нашло отражение в принимаемых ими титулах. Оба государства отличались крайним культурным эклектизмом: автор выделяет такие их особенности как многоконфессиональность, многоязычность, транскультурный синкретизм. В восприятии современников созданием сильных, хорошо организованных государств на завоеванных ими землях тюрки и норманны положили конец утвердившимся там беззаконию и анархии, а легитимность их власти оправдывалась различными устными и письменными пророчествами.

Сравнительный анализ тюрков и норманнов дает ряд аналогий, касающихся исторической роли и образа этих народов в глазах христиан и мусульман средневекового Средиземноморья, однако эта симметрия, по мнению М. Баливе, распространялась лишь на XI–XII вв. Впоследствии растущие различия между этими двумя народами уже не позволяют делать таких сравнений. После краха государства Сельджукидов тюрки Анатолии, усиленные новыми волнами миграции своих соотечественников из Центральной Азии, практически превратили греко-армянскую Малую Азию в средиземноморский Туркестан. Присутствие же норманнов не повлекло за собой столь серьезных демографических сдвигов; они так и остались сравнительно малочисленной группой завоевателей-латинян. Из Восточного Средиземноморья их со временем вытеснили Мамлюки, а Сицилию и Южную Италию они фактически потеряли уже в конце XII в.

Далее автор на основе различных исторических свидетельств рассматривает цивилизационное и культурное значение фактов завоеваний пяти крупных средиземноморских городов, оспариваемых в ходе исламо-византийской военной конфронтации с VII по XV в. Речь идет об Иерусалиме, сирийской Антиохии, Никее, Фессалониках и Константинополе (ч. 1, гл. 3, с. 49–68). В зоне исламо-византийского противостояния города нередко по многу раз переходили из рук в руки, подвергались осадам, атакам и разграблениям арабов, тюрков, латинян и самих греков. Все эти события самым скрупулезным образом были отражены в источниках победителей и побежденных. Свидетельства о взятии городов, избранных автором для исследования благодаря их значимости, очень подробны и точны в описании деталей. Это как хроники, так и специально составленные по поводу захвата города плачи и эпические повествования. По мнению автора, все эти тексты часто похожи один на другой, и понимать их надо только при учете предшествующей традиции составления аналогичных описаний.

Изучение типологии описаний захватов городов исламо-византийского Востока позволяет понять общий сценарий этих событий и психологические последствия потери города. Захват и разграбление таких городов, как Иерусалим и Константинополь, часто оценивались побежденными как наступление Судного дня. М. Баливе приводит многочисленные примеры из источников, где описываются завоеватели и побежденные, грабежи в захваченных городах, и отмечает, что жестокость завоевателей нередко становилась дополнительным стимулом для реванша, побуждая желание вернуть город и отомстить, или даже порождала более далеко идущие последствия. Так, разграбление Константинополя в 1204 г. способствовало росту антилатинских настроений, в результате чего к 1453 г. византийцы предпочли власть тюрков папской тиаре.

Автор выделяет варианты захвата города. Это могло быть как взятие его штурмом, так и более редкие и относительно бескровные случаи сдачи города в результате договора, а также в результате официальной или спонтанной капитуляции. Все исследуемые автором города кроме Константинополя переживали такие случаи невоенного перехода под власть противника. Автор касается и психологических причин сдачи города, отмечая в частности, что победа всегда является знаком милости свыше.

Первая часть завершается кратким примечанием (также изданным в 2000 г. как отдельная статья), где автор утверждает, что Крестовые походы, несмотря на очевидно насильственный характер исламо-христианского противостояния в этот период, стали для европейцев и мусульман временем взаимного узнавания и интенсивного обмена во всех сферах науки и культуры. По мнению М. Баливе, глобальный характер исламо-христианского противостояния эпохи Крестовых походов несколько преувеличен, и эта ошибка, по мнению автора, происходит из-за стремления исследователей рассматривать этот феномен с позиций современных глобальных конфликтов последнего столетия, хотя такие глобальные оценки было бы неверно переносить на XII в. (с. 69–70).

Во второй части книги М. Баливе рассматривает исламо-христианское культурное взаимодействие в области науки, избрав для этого конкретный пример состояния медицины в тюркской Анатолии и Османской империи. Для начала автор останавливается на развитии

медицины в османов-византийской зоне влияния в период с конца XIII по середину XV в., т.е. начиная с появления анатолийских эмиратов и до захвата османами Константинополя (ч. 2, гл. 1, с. 73–86). Отмечая невозможность представить в рамках данного исследования комплексную историю византийской и мусульманской медицины, автор ограничивается общим описанием ее состояния у византийцев и тюрок в указанный период и поднимает вопрос: означало ли тюркское завоевание вытеснение византийской медицины и замещение ее арабо-персидской традицией?

Говоря о благоприятном положении медицины при Ласкарисах и Палеологах, М. Баливе отмечает существующие контакты представителей византийской и мусульманской медицинских школ: врачи-арабы совершенствовали свои познания в Византии, а византийцы ездили обучаться медицине на мусульманский восток. При дворах анатолийских эмиров и османов находились и христианские, и тюркские врачи, которые обучались как в Византии, так и в Сирии, Египте и Иране. В статье указывается ряд тюркских малоазийских городов, в которых могла быть своя медицинская школа, однако к концу XIV в., когда медицинские центры сместились на османскую территорию, в частности в Брусу и Эдирне, многие известные врачи, перебравшись из анатолийских эмиратов к османскому двору. Османские медики XV в. ориентировались преимущественно на иранскую и египетскую школы, однако иногда поддерживали контакты и с византийскими врачами.

Далее М. Баливе говорит о динамизме развития медицины после взятия Константинополя при Мехмеде II (1451–1481) и его преемниках (ч. 2, гл. 2, с. 87–100). Известно, что Мехмед II всячески способствовал созданию при своем дворе атмосферы интеллектуального взаимообмена между византийскими и тюркскими учеными, покровительствовал развитию наук вообще и медицины в частности. Хотя при его дворе наряду другими греческими философами и учеными находились и греческие медики, основой для формирования османской медицины послужили все же прежде всего иранская и египетская медицинские школы. Мехмед II основал госпиталь, при котором проводились медицинские исследования, создал большой образовательный центр при мечети Фатих, в котором обучали в том числе и врачебному делу.

Расцвет османской медицины продолжался и при преемниках Мехмеда II Баязиде II (1481–1512), Селиме I (1512–1520) и Сулеймане Великолепном (1520–1566). В XVI в. османы захватили крупнейшие научные центры мусульманского мира – Каир, Багдад, Табриз и Дамаск. Однако несмотря на то, что империя продолжала политику покровительства наукам, и в частности медицине, ко второй половине XVI в. османские медицинские работы начинают носить все более компилятивный характер. Османские медики полностью игнорировали прогресс в европейской медицине, связанный с эпохой Возрождения, и этот консерватизм и застой продлился у османов вплоть до XIX в.

Третью часть книги М. Баливе посвящает диалогу христианства и ислама, культурному взаимодействию османов, византийцев и Запада в периоды Треченто и Кватроченто. Сначала автор обращается к теме византийско-тюркских контактов в середине XIII – середине XV в. (ч. 3, гл. 1, с. 103–116), повторяя в целом тезисы своих предшествующих работ. И сельджуки, и малоазийские эмираты, несмотря на очевидные политические конфликты с византийским миром, были все же настроены на контакт и сближение с Византией. В Византии также были сильны протюркские настроения, и антилатинизм XIII в. к XV в. перерос в туркофилию. Эта ситуация способствовала процессу греко-тюркского культурного взаимообмена. Длительные пограничные контакты тюрок и византийцев в Анатолии сопровождались культурным и политическим взаимодействием сторон, этническими смешениями и лингвистическими заимствованиями. Византийцы перенимали многие мусульманские имена и титулы, а тюрки – греческие. Эта же ситуация с началом османской экспансии (середины XIV в.) повторилась и на Балканах. Попытки Византии и европейцев отразить османскую угрозу привели лишь к росту антилатинских и антивизантийских настроений на Балканах. Многие сербы, валлахи и албанцы, не способные сопротивляться османам, стали присоединяться к ним и сражаться на их стороне против других балканских правителей. Как и для Малой Азии, для Балкан известны были многочисленные случаи смешанных браков.

Как автор отмечал в предыдущей части книги, Мехмед II, будучи правителем “второго Рима”, всячески содействовал процессу интеграции византийских кадров в османское общество. К его двору перебравшись многие известные византийские философы и гуманисты. Султан живо интересовался древней и средневековой византийской наукой, греческой философией Платона и Аристотеля, византийским неоплатонизмом, и всячески поощрял переводы греческих произведений на тюркский. М. Баливе делает вывод, что исчезновение Византии с

политической арены и замещение ее османским государством не повлекло за собой уничтожения существовавшей в XI–XV вв. модели взаимодействия византийцев-христиан с мусульманами, и считает, что межкультурный симбиоз продолжал сохраняться в Османской империи до XIX в.

В контексте рассуждений о диалоге христианства и ислама М. Баливе особо останавливается на личности Геннадия Схолария, первого патриарха в османском Константинополе, который поддерживал очень близкие отношения с Мехмедом II и вел с ним религиозные диспуты (ч. 3, гл. 2, с. 117–119).

Книгу завершает исследование, посвященное концепциям диалога христианства и ислама в творчестве европейских гуманистов Кватроченто (ч. 3, гл. 3, с. 121–151). Автор отмечает, что философия в средневековом мире играла межконфессиональную и межкультурную роль, занимая в каком-то смысле место посредника между христианством и исламом. На византийском и латинском пространстве была воспринята преимущественно аристотелевская философия и неоплатонизм. Впоследствии и у греков, и у европейцев ее заменил гуманизм, и многие выдающиеся интеллектуалы-гуманисты стали склоняться к поискам соглашения между враждебными цивилизациями. Начало этим попыткам установления диалога западных христиан с арабо-мусульманским миром положил Раймонд Лулл (ок. 1235–1315 гг.), хорошо знакомый с арабской культурой и знавший арабский язык. Хуан Сеговийский, сделавший новый перевод Корана на латинский и испанский языки, призывал, как можно лучше узнать культуру мусульман, и считал необходимым не критиковать их веру, а искать общее в догмах двух религий. Сходных позиций придерживался и Николай Кузанский.

Далее М. Баливе подробно останавливается на взглядах византийских гуманистов Кватроченто, которые также были настроены на открытость по отношению к исламу. Это неоплатоник Георгий Гемист Плифон, считавший, что и христианство, и ислам должны были со временем уступить место истинной вере – философии неоплатонизма, Георгий Амируци, сторонник аристотелевской философии, и Георгий Трапезундский, полагавший, что христианство и ислам могут быть объединены в одну религию благодаря многим общим чертам их доктрин, и говоривший о близости и общности трех авраамических Писаний – Ветхого Завета, Евангелий и Корана.

В целом книга М. Баливе выдержана в концептуальных рамках его предшествующих работ, посвященных идее цивилизационного взаимопроникновения и взаимодействия византийского мира и мира ислама. Разделы книги охватывают лишь отдельные сферы этой обширнейшей темы, дополняя и конкретизируя предыдущие выводы автора.

О.С. Апанович

Seibt W. (Hrsg.). Die Christianisierung des Kaukasus. The Christianisation of Caucasus (Armenia, Georgia, Albania). Referate des Internationalen Symposiums (Wien. 9.–12. Dezember 1999). Verlag des Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 2002 (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik / Hrsg. von O. Kresten und W. Seibt. Bd. IX).

В декабре 1999 г. в Вене состоялся международный симпозиум по проблеме христианизации Кавказа. Он был посвящен традиционно утвердившейся дате обращения Армении в 301 г. Сборник содержит доклады участников симпозиума, специалистов из Австрии, Франции, Германии, США, России, Армении, Грузии и других стран. Преобладают статьи исторического характера, меньшее место занимают археологические и искусствоведческие публикации. В центре внимания исследователей находится критическое рассмотрение многослойных и легендарных преданий о христианизации Армении и Грузии, а также Кавказской Албании. Эта последняя менее известна в европейской литературе. В статье К. Юзбашьяна рассматривается проблема формирования национального сознания в Албании; этого вопроса касается и Ж.-П. Мае, который особое внимание обратил на историографические аспекты темы.

Большинство авторов демонстрирует строго критическое отношение к источникам, нередко привлекая малоизвестные сведения. Рассмотрение преданий в связи с историческими фактами ведет к новым выводам. Это особенно касается статей Р.В. Томсона (“Сирийское христианство и обращение Армении”) и недавно ушедшего от нас известного кавказоведа М. Ван Эсброка, который обратился к теме о месте мученицы Рипсиме в истории обращения